

Дмитрий Петрович Семишев

Иду сквозь тернии и мрак,

Сквозь нестерпимо яркий свет,

Иду сквозь миллион преград –

Другой дороги в мире нет! (Д. Семишев)

Хочу сегодня познакомить уважаемых читателей с творчеством Дмитрия Семишева, нашего земляка. Живая манера письма, красивый слог, льющиеся строчки, будто автор, как близкий друг, с невероятным теплом рассказывает вам о жизни, интересно и со вкусом.

Несколько слов о себе:

- Родился и вырос я в поселке Арти. В 16 лет поступил в Уральский политехнический институт имени С.М. Кирова. Теперь это УрФУ имени Б.Н. Ельцина. После института работал по специальности на Белоярской АЭС. Сначала оператором на блочном щите управления, потом в научно-исследовательском отделе. Последние годы работаю инженером в сфере строительства. Живу в Екатеринбурге.

Писать я начал примерно классе в 6-м или 7-м. Наверное, сказалась в какой-то мере профессия моей мамы, которая почти полвека отдала преподавательской работе в школе. Учитель русского языка и литературы. Уж что-что, а любовь к языку она привить умела. Кроме редких и чисто любительских стихов, появилась потребность заняться еще и прозой. Стараюсь писать короткие рассказы. Возможно, это те же стихи, только в прозе? Не знаю. Кстати, многие рассказы основаны на совершенно достоверных событиях. Так, события, описанные в рассказе «Ромашка» происходили на самом деле в наших Артях. Ну и, безусловно, «Несмешная шутка судьбы».

Татьяна ЖИДКИХ

РОМАШКА

В небольшом поселке на окраине области наступал теплый летний вечер. Прокопич, сидя на прыгающей по рытвинам телеге, свернул на конный двор. Рабочий день закончен. Привычными, годами отработанными движениями начал распрягать коня. Конь был справный: мощный, мускулистый, черной, как ворон, масти. Только на морде

красовались три белых пятнышка, за что и получил он еще сызмальства кличку Ромашка.

Конь стоял смирно, терпеливо дожидаясь освобождения от сбруи. Ему было уже почти двадцать лет, и все эти годы они были с Прокопичем вместе. Машин в поселке катастрофически не хватало, поэтому гужевой транспорт использовался повсеместно. Отправляли их то на покос, в помощь местному совхозу, то на развозку продуктов по магазинам районного потребительского общества. Но главная работа была, конечно, здесь, на заводе, к которому конный двор и относился.

Ромашка любил Прокопича и очень к нему привязался. Да и шутка ли сказать – ни разу в руках старого коневода он не видел ни кнута, ни плетки, ни даже отломанной от дерева вички, коими частенько пользовались другие конюхи. Прокопич как-то сразу установил в их взаимоотношениях полное доверие и взаимопонимание. За эти годы Ромашка научился не только распознавать слова родного ему человека, но и угадывать его настроение и желания. Так, к примеру, когда у Прокопича случалась «кочерга», и он среди рабочего дня прикладывался к бутылке, а к вечеру и вовсе отключался, Ромашка вез его домой. Там покорно стоял у ворот, пока пьяного конюха не забирала жена его, Матрена Ильинична. Потом конь самостоятельно шел на конный двор, где его распрягал сторож. Или в полях, когда их направляли в совхоз, распряженный, отпущенный на все четыре стороны и даже не стреноженный Ромашка никогда не отходил от Прокопича далеко. Тот сидел у костра с мужиками, ел печеную картошку, щедро делась ею и с конем. Ромашка осторожно, одними губами брал с ладони хозяина печенку. Или хлеб, или кусочки сахара. Все ему казалось особенно вкусным, потому что это дал ему он, его любимый Прокопич.

Солнце клонилось к горизонту, и дневная жара заметно ослабла. Когда с упряжью было покончено, конь неторопливо, степенно и важно прошел в конюшню, занял свое стойло. Прокопич принес ему отборного овса, насыпал в кормушку, долил воды в бадью, тяжело опустился на приступок. Годы! Как-никак, восьмой десяток.

- Отдыхай. Наробились мы сегодня, чего уж, - пробормотал он, обращаясь к Ромашке, - дай-кось, и я подкреплюсь.

Прокопич достал из-за пазухи чекушку водки, открыл, глотнул из горлышка. Крякнул. Вынул из кармана тщательно завернутую в белую тряпицу краюху ржаного хлеба. Глотнул еще, смачно понюхал хлеб, отломил половину, протянул коню.

- Эх-хе-хе, - вытирая губы тыльной стороной ладони, вздохнул он, - да! Семисят третий – это тебе не сорок третий! По минным полям прыгать не надо, под бомбежкой снаряды подвозить не надо. Устал? – глянул он снизу в глаза Ромашке, - устал! Ясное дело. Смену отпахали. Но ить жив? Жив! А это, друг ты мой сердешный, первое дело. Знаешь, сколько я вашего брата на фронте потерял? Без счету! Особливо на передках! Что ты! Бывало, каждую неделю кого-нибудь убивало. То коня, то возницу. Меня-то Бог миловал. Контузия только, да два легких. А апосля второго ранения даже и в медсанбат не пошел. Не до того было, наступали. А вот лошадушек-то страсть сколь положили. Да-а...

Он опять отхлебнул из горлышка, занюхал в затылок хлеб, стал крутить сигарку с махоркой. Вообще-то в конюшне курить строжайше запрещалось, но на Прокоча уже давно все махнули рукой – не переделывать старого. Что с него взять? Да и, к слову сказать, курил он всегда очень аккуратно, не оставляя после себя ни пепла, ни окурков. И даже Ромашка уже притерпелся к махорочному дымку.

- Эх-хе-хе, - качнув головой, вздохнул Прокоч, - не те ноне времена! Даже водка вот не та стала. Ране, бывало, прижмет сердчишко-то, пару глотков сделаешь, глядь, отпустило. А ноне не то! Не берет микстура. Химию, ли че ли, добавлять в нее стали?

Он снова приложился к чекушке, затянулся сигаркой.

- Ладно, Ромка, отдыхай. Пойду.

Прокоч тяжело поднялся, сделал несколько шагов к выходу, обернулся. Каким-то невероятно печальным и долгим взглядом посмотрел он на коня. Грустно улыбнулся. Шаркая старческими ногами, вышел из конюшни. Страшное, недоброе предчувствие сдавило сердце Ромашки. Он тихонько заржал, затоптался на месте, вытянул морду, втягивая воздух и растопырив ноздри. Даже зависший в проходе дымок махорки не мог перебить пугающий, давящий запах беды.

Всю ночь конь не находил себе места. Метался в своем стойле, топтал посыпанный

опилом деревянный настил, мыкался туда-сюда. А когда утром вместо Прокопича пришел молодой плюгавенький парнишка, Ромашка все понял. Воспользовавшись неуклюжестью начинающего конюха, он выскочил из конюшни и рысью направился к дому хозяина. Там сновали какие-то люди, в открытое окно было слышно, как рыдала над покойником Матрена Ильинишна. Конь то пытался протиснуться в маленькую калитку запертых ворот, то подходил к окну, пытаясь заглянуть в дом. Маялся из стороны в сторону, искал и не находил своего родного Прокопича. Из окна тянуло жутким запахом смерти.

Никому не было дела до мечущегося коня, но на конном дворе хватились, кинулись искать. Кому-то в голову пришла здравая мысль, прибежали к дому старого конюха. С трудом обуздали Ромашку, утянули в конюшню, заперли в стойло. На другой день, час в час, минута в минуту, когда гроб с телом Прокопича опускали в могилу, Ромашка, встав на дыбы, копытами проломил жердь, перекрывавшую выход из стойла, ринулся из конюшни. Ворота конного двора оказались закрыты. Сделав галопом круг по свободному пространству, он с разбегу перемахнул через забор и, вздымая копытами пыль, поскакал. Куда? Он не знал. Знал лишь одно – он должен быть рядом с Прокопичем, он больше не мог без него. Чутье ли лошадиное, интуиция ли что-то подсказали ему, но, не доскакав до дома хозяина, он вдруг перешел на шаг, а потом и вовсе остановился, помотал своей могучей башкой, развернулся и уверенно направился в гору. Там, наверху, в светлой и зеленой березовой роще располагалось кладбище. Вот туда-то и пришел Ромашка. Найти могилу Прокопича было нетрудно. Ее уже засыпали землей, но старушки еще толпились подле, не спешили расходиться. Ромашка прошел сквозь них, наклонил морду к свежему холмику земли. Долго втягивал воздух, принюхиваясь. Даже сквозь землю, даже из могилы донесся до него слабый знакомый запах махорки. Здесь! Точно! Он здесь! Значит, и я буду здесь! Конь встал у наспех сколоченного креста с прибитой к нему фотографией Прокопича, склонил голову, потерся мордой о крест.

- Батюшки святы, вы гляньте-ка, конь-то к нему пришел, - заохали, запричитали бабы, - вот ведь горе-то, вот беда-то!

- Надо бы увести его как-то, - послышался робкий голос.

- Да куды там! Разве ж с ним справишься? - возразил другой, - надо на конный двор сообщить, пусть сами забирают.

- Ой, бабоньки, гляньте-ка, слезы ведь у него! Ей богу, слезы.

Все присмотрелись. Действительно, из огромных черных лошадиных глаз стекали по длинной морде крупные капли.

- Вот те и на-а!.. – протянул удивленно стоявший поодаль старик, - одно, что скотина, а и та понимает! И у ей горе! Ну и дела-а...

Вскоре с конюшни пришли трое – начальник и два конюха. Попробовали надеть узду, но Ромашка не дался. И манили его хлебом, и пихали в круп, и ударили несколько раз кнутом. Конь не сдвинулся с места.

- Да и черт с ним! – психанул начальник, - жрать захочет, сам придет. А не придет, так через пару дней все одно обуздаем. Пушай покуда постоит, потоскует. Успокоится, так и заберем.

Но ни через пару дней, ни через неделю, ни даже через две Ромашку увести с кладбища от могилы Прокопича так и не смогли.

А на Троицу Матрена Ильинична с внучкой отправились на погост. Прибраться, порядок навести, попроведать Прокопича. Еще на подходе глазастая внучка вдруг спросила:

- Ой, бабуля, а что, рядом с дедушкой уже еще кого-то похоронили?

- Пошто екту? С чего ты взяла, - удивилась бабушка, но после и сама разглядела черный холмик рядом с могилой мужа.

Подойдя ближе, обе поняли, что никакая это не могила. Это лежал, положив морду на

могилку конюха, Ромашка. Он уже не дышал. Глаза его были открыты и неподвижны, а в огромных черных зрачках отражался с фотографии на кресте улыбающийся Прокопич.

23.02.2021 г.

PER ASPERA AD ASTRA

(через тернии к звездам)

Из никогда и в навсегда

Пронесся ветер и затих...

Из ниоткуда в никуда

Иду, прижав к груди триптих.

Иду сквозь тернии и мрак,

Сквозь нестерпимо

яркий свет,

Иду сквозь миллион

преград –

Другой дороги в мире нет!

Да я и не искал другой,

Мне и на этой все сполна:

То счастье прямо под рукой,

То горя мрачная стена...

Конец тернистого пути,

(Ведь звезды –

сказка для детей)

И стоит ли туда идти,

Туда, где снова мир теней?

Но сколько б я

ни прожил лет,

Идти я буду, чтоб и я

Познал, что ДА –

частичка НЕТ,

А жизнь –

фрагмент небытия...

Август 1983 г.

НАШИ ХРАМЫ

Когда-то жизнь другой была:

Мы были все

детьми Природы,

И люди, строив купола,

С душой расписывали своды.

И были солнечны поля,

И в реках были чисты воды,

Сверкали золотом купола,

Молитвой оглашались

своды...

Беда на землю к нам пришла,

И не было другой заботы

Как ободрать бы купола

И закоптить святые своды!

И вот у многих уж в душе

Или в уме случилось что-то –

Разрушенный храм стал уже

Душой простого идиота...

Пусть говорят, что нет в огне

Ни переправы и ни брода,

Но сберегли мы в той войне

Чуть-чуть молитвенного

свода,

В традициях России лучших

Мы снова кроем купола

И строим храмы

в своих душах,

Чтоб вера в Господа жила!

12.09.2017

Дмитрий СЕМИШЕВ